
Е.Л. Бурдина

Статья поступила
в редакцию
в августе 2007 г.

ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСУ «ИНОРОДЧЕСКОГО» ОБРАЗОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Развитие капитализма в России в начале XX в. выдвинуло на повестку дня необходимость обеспечить общедоступность начальной школы. В связи с этим встал вопрос о массовом распространении начальной школы и среди нерусского населения, в частности среди татар.

Директор народных училищ Казанской губернии писал по этому поводу 4 августа 1904 г.: «Для того чтобы обеспечить возможность русского начального обучения для всех детей школьного возраста из среды мусульманского населения, потребовалось бы учредить 1095 — полагая по 60 человек на школу — начальных школ... Но, принимая в расчет культурную неподготовленность мусульманского населения к пользованию средствами русского начального образования, открытие полного комплекта русских школ для сельского мусульманского населения следует отложить на продолжительный срок, лет на 60–80, а в ближайшее десятилетие, даже при наличии необходимых денежных средств, учреждать по 10–12 русско-татарских школ в губернии — это все, что в этом направлении можно желать и что, при указанном выше условии, возможно считать практически осуществимым» [10].

Учтя естественный прирост населения к 1929 г. (конец предполагаемого срока введения общедоступного начального обучения), директор уточняет число необходимых школ для детей татар Казанской губернии: «Чтобы сделать обучение детей мусульман всеобщим, потребовалось бы открыть для этой цели по всей Казанской губернии 1469 школ, что составит весьма значительный расход» [11]. «Что же касается мусульманских девочек, то, чтобы сделать для них обучение общедоступным, вполне достаточно принять за норму число школ, равное 1/10 того количества, которое необходимо было бы открыть в том случае, если бы все девочки стали посещать русскую начальную школу» [11].

В октябре–декабре 1904 г. Министерством народного просвещения была организована специальная комиссия по изучению со-

стояния начального образования у восточных народов России под руководством тайного советника профессора А.С. Будиловича [1; 2]. Комиссия непосредственно на месте ознакомилась с состоянием татарских и других национальных школ в Казанском, Оренбургском и Западно-Сибирском учебном округах [20].

По материалам этой комиссии в мае 1905 г. прошло Особое совещание по вопросам образования восточных инородцев. Обсуждая пути развития образования нерусских народов Восточной России, совещание ставило вопрос так: «Следует ли признать более правильным пассивное отношение правительства к мектебам и медресам, как это имело у нас место до 1870-х годов, или — наоборот — активное, усвоенное, хотя и нерешительно, правительством со времени передачи надзора за этими школами из Министерства внутренних дел в Министерство народного просвещения (Законом от 20 ноября 1874 г.)» [19. С. 32].

После долгих споров «совещание высказалось за систему активного, а не пассивного отношения школьного ведомства к мектебам и медресам, придумав, однако, для этой активности такие формы, которые не лишают названные школы известной автономии и не представляют вторжения в область веры» [19. С. 33].

Совещание предложило в этих школах в основу изучения русского языка положить родной язык учащихся при помощи «букварей на этом языке, по возможности в русской транскрипции, которая образует затем мост к грамоте и письменности русской» [19. С. 34].

Другой путь к сближению татар с русскими участники совещания намечали через «ослабление племенной изолированности русско-магометанских начальных и учительских школ, включение в их состав некоторого числа русских учеников, подобно тому как допускаются в свою очередь и магометане в наши начальные, средние и высшие школы общего типа» [19. С. 25].

На совещании обсуждался и вопрос об образовании женщин. Один из участников совещания С.В. Смоленский в своем выступлении говорил, что «особенно важно образование мусульманской женщины, едва-едва начинающей только подходить к нашему среднему образованию. Эта часть едва ли не существеннее для будущего, чем мужская, ибо в специальных областях, например в медицинской, она совершенно своеобразна в мусульманском мире» [19. С. 96]. Это предложение вызвало отрицательную реакцию многих участников совещания.

Наиболее ярким противником его оказался директор Туркестанской учительской семинарии Н.П. Остроумов. Он говорил: «Принимать меры к образованию мусульманской женщины пока преждевременно... Мусульманская женщина изолирована от постороннего влияния, нередко выходит замуж с 12 лет и, таким образом, с ранних пор поступает под грубую опеку мужа. Очевидно, что она надолго еще будет недоступна культурно-образовательному влиянию со стороны русского правительства и общества» [19. С. 99].

Наступившая новая эпоха, обстановка разворачивавшейся в стране революции уже оказали влияние на настроения в обществе: на совещании верх взяли представители либерального направления. Было принято решение о важности образования женщин восточных народов: «Должно быть обращено внимание на образование женщин ввиду их особенно важного значения в деле воспитания и образования подрастающего поколения» [19. С. 346].

Решения этого совещания легли в основу Правил о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России, утвержденных министром народного просвещения 31 марта 1906 г.

Особые начальные училища, учрежденные для «инородцев», имели целью, с одной стороны, содействовать «нравственному и умственному развитию последних и таким образом открывать им путь к улучшению их быта», а с другой стороны — «распространять между ними знание русского языка и сближать их с русским народом на почве любви к общему отечеству» [17. С. б/н].

Училища могли быть первоначальными (школы грамоты) с двухгодичным курсом и начальными (одноклассные с четырехгодичным курсом и двухклассные с шестигодичным курсом обучения). При этом допускалось «в случае надобности увеличение курса первоначального училища до трех лет» [17. С. б/н].

В первоначальных и одноклассных «инородческих» училищах изучали следующие предметы: Закон Божий или соответствующее вероучение; церковнославянское чтение (для православных); грамота на родном языке; русский язык (разговор, чтение, письмо); счет и пение.

В двухклассных «инородческих» училищах предметы преподавания были те же, что и в русских двухклассных училищах, но выделялись дополнительные часы для «занятия природным наречием учащихся» [17. С. б/н].

Важным положением и, пожалуй, нововведением стала организация общего руководства всеми училищами «инородцев», как казенными, так и частными, вне зависимости от того, кем они содержатся (на средства казны или учреждений и частных лиц): теперь оно возлагалось на инспекторов инородческих училищ и на местные органы Министерства народного просвещения, т.е. было подконтрольно государству.

Сохранилось и было закреплено в Правилах деление детей нерусских народностей («инородцев») не по возрасту, а по степени знания русского языка. Таким образом, официально появились Правила для образования инородческих детей, вовсе не знающих русского языка, и Правила для инородческих детей, живущих смешанно с русскими и несколько знающих русский язык.

«Согласно местным требованиям инородческие девочки обучаются совместно с мальчиками или же для них открываются особые училища того же типа, как и для мальчиков» [17. С. б/н]. Таким образом, выбранная правительством линия на совместное обуче-

ние мальчиков и девочек в школах для нерусских детей получила свое дальнейшее развитие.

С учетом религии, которую исповедовали «иностранцы», общие Правила дополнялись особыми указаниями для «иностранцев»-православных (в том числе и крещеных татар) и для «иностранцев» иных исповеданий (в нашем случае для татар-магометан).

Однако «ввиду возникших среди мусульманского населения недоразумений при применении правил 31 марта 1906 г.» [12] действие их было приостановлено. Недовольство среди татар было таково, что только телеграммы протеста против правил 31 марта 1906 г., направленные в Министерство народного просвещения, и материалы комиссии по пересмотру Правил составили 5 объемистых томов.

Вот лишь одна цитата из этих обращений: «Умственное и религиозно-нравственное развитие, получаемое донныне мусульманами в мектебах и медресах — в этих столь дорогих и близких сердцу мусульман духовных школах, — не признается Правилами 31 марта 1906 г.» [4. С. 115].

Дополнения в эти Правила были внесены 2 января 1907 г.

Касались они прежде всего п. 9. — «Общее наблюдение и руководство всеми училищами для иностранцев». Согласно телеграмме министра народного просвещения № 30 322 от 2 января 1907 г. этот пункт к мектебам и медресе отныне стал неприменим [16. С. 3]. Соответственно были опущены пп. 33 и 34 Правил 1906 г., в которых говорилось, что «общий надзор за частными иностранными вероисповедными училищами (магометанскими, ламаистскими и др.) возлагается на инспекторов иностранных училищ по принадлежности», а также что «заведующее таковым училищем лицо должно состоять в русском подданстве и иметь образование не ниже курса одноклассного училища Министерства народного просвещения» [16. С. 7], т.е. училище переставало быть подконтрольным государству.

Следующее изменение касалось п. 13 — «Учебные книги...». Ранее учебные книги и пособия печатались на «иностранном» наречии русскими буквами, для народностей, имеющих национальный алфавит, — в двойной транскрипции; теперь приоритет отдавался иностранному алфавиту, хотя двойная транскрипция сохранялась.

Выбор учебных книг отдавался на откуп преподавателю и местному учебному начальству, т.е. на места.

Таким образом, в 1907 г. налицо ослабление позиций государственного контроля за иноверческими и «иностранскими» училищами, продиктованное целым рядом причин.

В рассматриваемый исторический период для одаренной «иностранческой» молодежи становятся доступны и русские средние и высшие учебные заведения. Так, «по данным 1908 г. только в Казани в различных гимназиях обучались 17, в коммерческом училище — 14, реальном — 11, художественном — 2, фельдшерской школе — 2, речном училище — 1, а в татарской учительской школе — 90 человек» [22. С. 140].

«Обучение татарских юношей в русских гимназиях и других средних учебных заведениях становится обычным явлением, чего нельзя сказать о татарских девушках» [22. С. 144]. Так, в 1908/09 учебном году в казанской Мариинской женской гимназии обучались 4 татарские девушки, в гимназии Шумковой — 5, в гимназии Котовой — 6 татарских девушек [22. С. 59]. Причин для столь незначительного числа учащихся-татарок в русских гимназиях было много, главной из которых безусловно являлся религиозный догматический настрой общества, самих учащихся и их родителей.

Русско-татарские училища сохранялись и по Правилам 14 июня 1913 г. Одна из главных целей издания Правил 1907 г. — распространение между нерусскими народами знания русского языка и сближение их с русским народом — не была достигнута. «Такое положение дела не соответствует ни интересам государства, ни достоинству русского языка как языка государственного, которому должно быть отведено подобающее место во всякой школе», — констатировал I Общеземский съезд по народному образованию в 1911 г. [15. С. 349]. Поэтому новые Правила 1913 г. предусматривали усиление внимания к преподаванию русского языка в целях скорейшего усвоения его учащимися школ, так как «задача начальной инородческой школы состоит не в одном лишь сообщении учащимся необходимых знаний, но и в приобщении подрастающих поколений инородцев к общей гражданской жизни их отечества. Для достижения этой последней цели знание языка государственного представляется безусловно необходимым» [15. С. 348].

На основании Высочайшего повеления от 5 июня 1913 г. были разработаны и утверждены 14 июня 1913 г. министром народного просвещения Л.А. Кассо Правила о начальных училищах для инородцев [18], в которых мы уже не находим деления «инородцев» по группам в зависимости от знания ими русского языка. Действие этих Правил распространялось на Казанский, Оренбургский, Одесский, Кавказский, Западно-Сибирский учебные округа, на губернии и области, входящие в управление Туркестанского края, а также Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств. Таким образом, на все окраины Российского государства были распространены единые правила образования «инородцев».

Список учебных предметов, преподаваемых в двухклассных училищах, был расширен за счет включения в него русской истории, географии, естествоведения, черчения и начальной геометрии.

Министр народного просвещения Л. Кассо, совершивший инспекторскую поездку по губерниям Казанского учебного округа, указывал в 1914 г. попечителю округа, что «в целях планомерного, в связи с введением всеобщего, распространения образования надлежит озаботиться составлением школьных сетей» и для нерусского населения округа, и предписывал при этом пользоваться Правилами от 14 июня 1913 г. [13]

Составление школьной сети для татарского населения проводилось на местах очень осторожно. Так, например, директор на-

родных училищ Казанской губернии докладывал попечителю округа 2 июля 1914 г.: «Что же касается татарского (магометанского) населения, то ввиду национальной обособленности его и наблюдаемого в некоторых местах несочувствия к получению русского образования для него особых училищ в школьной сети включено не было, и открывались они по мере надобности — в зависимости от возбуждения татарскими обществами отдельных ходатайств. И лишь в отношении г. Казани (без Пороховой слободы) в 1909 г. составлена была школьная сеть с включением в нее и русско-татарских училищ, но без обозначения, однако, срока — времени открытия их» [13].

Уже при составлении школьной сети учебное ведомство столкнулось с недостатком учителей для вновь открываемых русско-татарских школ. «Другое, не менее важное, затруднение при введении всеобщего в татарско-мусульманское население ... заключается в недостатке учителей из мусульман. Этот недостаток наблюдается даже и теперь, при сравнительно незначительном числе новых русско-татарских училищ» [13].

О таких же затруднениях докладывал и директор народных училищ Вятской губернии: «Школьными сетями предусматривается достаточное количество школ для татарского населения губернии; но на практике открытие школ для татарского населения встречает довольно значительные затруднения ввиду нежелания татар, чтобы в их селениях открывались русско-татарские училища, а также — и главным образом — ввиду недостаточности учителей-магометан. Особенно сильное затруднение испытывается в учительницах для женских магометанских школ, так как по религиозным верованиям магометанские девочки не могут обучаться совместно с мальчиками, поэтому для девочек-магометанок приходится открывать особые школы» [13].

Вятское земство, отличавшееся «богатой постановкой народного образования» [3. С. 69], искало пути для выхода из создавшегося положения. Так, в целях подготовки учительниц для русско-татарских школ Сарапульское уездное земство ходатайствовало о разрешении принять в Сарапульскую женскую учительскую семинарию учениц-мусульманок. При этом уездное земское собрание подчеркивало: «Если на это ходатайство не будет получено удовлетворения, земству не представится возможность во всем объеме ввести в татарских волостях всеобщее обучение» [14].

Это ходатайство земства было поддержано директором народных училищ Вятской губернии. Подчеркнув, что «существующие в Казанском учебном округе русско-татарские учительские семинарии не могут удовлетворить требования на учителей даже мужских русско-татарских училищ, женских же учительских семинарий в Казанском учебном округе нет», он признавал «безусловно желательным принятие в Сарапульскую женскую учительскую семинарию учениц-магометанок, не ограничивая их числа несколькими лицами» [13].

Несмотря на то что русско-татарские школы в целом не получили массового признания, в начале XX в., особенно в годы революции 1905–1907 гг. и после нее, ясно намечается тенденция к увеличению их числа (одновременно с ростом количества учащихся в уже существующих). Причиной тому — и особенности общественно-исторической ситуации, и очевидные преимущества русско-татарских школ.

Росту стремления татар к образованию, к изучению русского языка много способствовала первая буржуазно-демократическая революция в России. Русско-татарские школы оказались носителями черт школы нового типа, отвечающего общей демократизации общества в связи с переходом к конституционной монархии.

В пользу русско-татарских школ говорило и то обстоятельство, что они субсидировались государством или земством. Учителя таких школ получали регулярное жалование, равное жалованию учителей русских начальных школ (300–400 рублей в год). Школы работали по специальным программам. Их выпускники, получившие начальные знания русского языка, могли продолжать свое образование в русских школах и затем в средних и высших учебных заведениях страны.

Все это, несомненно, способствовало повышению интереса татарского населения, вернее, той его части, которая по роду своей жизни и деятельности была более или менее тесно связана с русскими, к русско-татарским школам. Однако среди основной массы татарского населения вплоть до 1917 г. сохранилось предубеждение по отношению к русско-татарским школам.

Это объяснялось многими причинами. Одна из основных — это недоверие татар к любым начинаниям правительства в этой области, даже если объективно они имели прогрессивное значение, как, например, открытие русско-татарских школ. Расширению сети русско-татарских школ мешало и противодействие мусульманского духовенства. Под влиянием некоторых мулл и реакционной части татарского купечества многие татары, осознававшие желательность обучения своих детей в русско-татарских школах, избегали отдавать их в эти школы, опасаясь возможных неприятностей.

Мусульманское духовенство в своем стремлении не допустить распространения русско-татарских школ, как это ни покажется странным, иногда получало поддержку местной администрации.

Вместе с тем объективности ради следует отметить, что едва ли не каждая русско-татарская школа в Казани открывалась при незначительном числе учащихся; но, как правило, число это с каждым годом возрастало. Вместе с тем некоторые историки полагают, что для Казанской губернии «отрицательное отношение учебного ведомства к открываемым русско-татарским школам вообще характерно» [б. С. 40]. Так, например, А.Х. Махмутова пишет: «Архивные материалы показывают, что в начале XX в. большинство этих школ губернии было открыто лишь после длительной волокиты» [б. С. 41]. Именно этим, видимо, можно объяснить малую рас-

пространенность русско-татарских школ в Казанской губернии. Так, в 1914 г. здесь было всего 69 русско-татарских училищ и русских классов при мектебах и медресе [6. С. 42].

Одним из важнейших факторов, определивших неуспех русско-татарских школ, — здесь мы солидарны с мнением С.П. Голубцова, в свое время попечителя Одесского учебного округа, — было то, что «в характере русского правительства есть одна черта, правда, прекрасная сама по себе, но не всегда гармонирующая с твердой политикой. Это — излишняя, иногда в ущерб русским государственным интересам, деликатность и боязнь быть обвиненными в эгоизме и нетерпимости, хотя дело идет не о преследовании той или другой веры, не о стеснении языка того или другого племени, а, напротив, о восстановлении законных прав преследуемого русского языка» [5. С. 833].

Управление Казанского учебного округа не стремилось ликвидировать имеющиеся русско-татарские школы, но в то же время не содействовало открытию новых. Как нам кажется, отсутствие в фондах попечителя Казанского учебного округа и директора народных училищ Казанской губернии материалов об открытии новых русско-татарских школ говорит в пользу именно этого вывода.

Говоря о Казанской губернии, нельзя сбрасывать со счетов позицию казанского генерал-губернатора Петкевича. По его мнению, русско-татарские школы, «рожденные для обрусения татар, на деле приводили к обратным результатам — распространению просвещения среди них, росту их сознания». В этом, безусловно, была заслуга учителей этих школ, которые «оказались на высоте своего положения: они поняли, что будущее мусульманства — в просвещении, и несут свет в русско-татарские училища и русские классы при медресе и мектебах, но в лучшем случае лишь свет своей науки, но не идеи русской государственной школы» [8]. Петкевич считал, что «мусульманские дети не должны быть объединены и обособлены непременно в отдельных для них школах, и учителя в школах, где обучаются мусульмане, должны быть не татары, а русские, хорошо знакомые с татарским языком» [9].

В своей докладной записке на имя министра внутренних дел он подчеркивал: «В моих глазах представляется гораздо более серьезным создание руками правительства мусульманской национальной школы, прекрасно оборудованной, вооруженной интеллигентным преподавательским персоналом и всячески ограждаемой от противодействия консервативных представителей мусульманского духовенства» [7].

Подводя итог, следует сказать, что в конце XIX и начале XX в. царское правительство, вынужденное приспособляться к новым условиям капиталистического развития и проводить буржуазные реформы, обратило внимание и на школьное дело нерусских народов. Средством влияния на татар были избраны русско-татарские школы, действовавшие на единых началах и руководствовавшиеся едиными правилами. Эти школы не получили большого распрост-

ранения в силу ряда причин: из-за недоверия населения, противодействия мусульманского духовенства и его сторонников и, конечно, из-за недостаточно твердой и поступательной политики правительства в этом вопросе.

В Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации, одобренной приказом Министерства образования и науки от 3 августа 2006 г. № 201, сказано, что проблема особых функций системы образования в условиях полиэтничности населения была понята российским государством как предмет государственной национальной политики, направленной на профилактику сепаратизма, еще в конце XVIII в. Последующие два столетия характеризовались поиском организационных решений, которые сделали бы образовательное учреждение с нерусским языком обучения инструментом реализации национально-политических целей государства. Как мы видим, не всегда исторический опыт оказывался положительным.

Теперь же задача состоит в том, чтобы, опираясь на современные представления о природе и сущности этничности и объективных тенденциях ее развития, на понимание механизмов государственного регулирования межэтнических и этногосударственных отношений, определить цели, принципы и приоритеты национальной образовательной политики Российской Федерации с тем, чтобы она была направлена на обеспечение в новых исторических условиях межнационального согласия, единства и целостности России. Это предполагает согласование и сопряжение в сфере образования общегосударственных интересов и потребностей с потребностями и интересами общества, его народов, граждан, формирование отношений сотрудничества между ними, развитие языков и культур народов России.

Литература

1. Будилович А.С. Наука и политика. Три статьи по злободневным вопросам. Спб., 1905.
2. Будилович А.С. По вопросу об окраинах России. Спб., 1906.
3. Журнал Министерства народного просвещения. Ч.25. Спб., 1910.
4. Записка мусульманских представителей в Комиссию по инородческой школе при Государственной Думе о пересмотре Правил о начальных училищах для инородцев 1906 г. / Инородческая школа. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы. Под ред. Г.Г. Тумима, В.А. Зеленко. Пг., 1916.
5. Записка попечителя Одесского учебного округа, действительного статского советника Голубцова / Сб. распоряжений по Министерству народного просвещения. Т.4. Спб, 1874.
6. Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар. (Борьба вокруг школьного вопроса 1861–1917). Казань, 1981.
7. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5182. Л. 132 об.
8. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5182. Л. 133 об.
9. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5182. Л. 135 об.

10. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 2. Д. 3794. Л. 126.
11. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 2. Д. 5710. Л. б/н.
12. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7083. Л. 4.
13. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 2. Д. 17120. Л. б/н.
14. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 2. Д. 22033. Л. 2.
15. Первый Общеземский съезд по народному образованию 1911 г. Журнал общих заседаний съезда. Стенографическая запись. М., 1912.
16. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России. 31.03.1906 г. и 02.01.1907 г. Оренбург, 1907.
17. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России. 31.03.1906 г. Симбирск, 1906.
18. Правила о начальных училищах для инородцев: Утвержденные Министерством народного просвещения 05.06.1913 г. / Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913.
19. Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб, 1905.
20. ЦГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 101. Лл. 3–107.
21. ЦГИА. Ф. 733. Оп. 173. Д. 104–108.
22. Ялалов Ф.Г. Национальное гимназическое образование: история, теория, практика: Монография. М., 2000.